

Прохорова Марина Леонидовна

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии
Кубанского государственного университета

Хурум Мариет Аслановна

аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

**ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ
С ПОЛУЧЕНИЕМ И РАЗГЛАШЕНИЕМ
КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ
ИНФОРМАЦИИ,
В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Аннотация:

В статье прослеживается эволюция российского уголовного законодательства досоветского периода об ответственности за преступления, связанные с получением и разглашением конфиденциальной информации. Выявляется специфика этапов этого процесса.

Ключевые слова:

уголовная ответственность, эволюция, преступление, конфиденциальная информация, сведения, составляющие государственную тайну, личная и семейная тайна, коммерческая тайна.

Prokhorova Marina Leonidovna

LLD,
Professor, Criminal Law
and Criminology Department,
Kuban State University

Khurum Mariet Aslanovna

PhD student, Criminal Law and Criminology Department,
Kuban State University

**EVOLUTION OF THE RUSSIAN
CRIMINAL LEGISLATION
ON RESPONSIBILITY
FOR CRIMES RELATED
TO THE RECEIPT
AND DISCLOSURE OF
CONFIDENTIAL INFORMATION
IN THE PRE-SOVIET PERIOD**

Summary:

The article traces evolution of the Russian pre-soviet criminal legislation on the responsibility for crimes related to the receipt and disclosure of confidential information. The authors discuss the specifics of stages of this process.

Keywords:

criminal liability, evolution, crime, confidential information, information classified as state secret, personal and family secret, commercial secret.

Необходимость в сохранности той или иной информации существовала на всех этапах развития человеческого общества. В специальной литературе отмечается, что, как только «семья отделилась от стаи», возникла потребность в расширении свободы отдельного человека, зародилось естественное право на неприкосновенность частной жизни [1, с. 34–35]. Соответственно, появились и касающиеся лишь отдельных людей сведения, не подлежащие огласке и передаче иным членам общины. Так начал формироваться институт личной и семейной тайны.

Понятие сведений, составляющих государственную тайну, появляется, видимо, позже, поскольку оно неразрывно связано с государственностью, стремлением сохранить неприкосновенность территории страны и суверенитет власти. Развитие ремесел, торговли, зарождение конкуренции потребовали обеспечения неразглашения сведений о соответствующей деятельности, технологиях производства товаров, выращивании сельскохозяйственных культур и т. д. [2, с. 230–233].

Таким образом, тайна «сопровождала» человечество на всем протяжении истории его развития, облекаясь в форму разных сведений, порождая необходимость ее сохранности разнообразными средствами. Право не оставалось в стороне от этого процесса, активно включаясь в механизм обеспечения неприкосновенности информации. Задачей уголовного права являлось установление ответственности за посягательства, связанные с нарушением установленного государством режима того или иного вида конфиденциальных сведений.

Экскурс в историю российского уголовного права досоветского периода показывает, что одним из первых документов, содержащих положения – прообразы норм, предусматривающих ответственность за преступления, имеющие предметом конфиденциальные сведения, являлась Псковская судная грамота 1397 г. Статья 7 в ней гласила: «А кримскому татю и коневому и переветнику <государственному изменнику> и зажигалнику тем живота не дати» [3, с. 60]. Разумеется, в документе еще не идет речь непосредственно о передаче представителям другой страны каких-либо строго охраняемых сведений, но государственная измена, как правило, предполагает и такие деяния.

Соответствующие положения содержатся и в Судебнике 1497 г., в ст. 9 которого предусмотрено: «А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию» [4, с. 61]. В специальной литературе отмечается, что термин «крамола» носил обобщенный характер, обозначающий круг посягательств («ведомых лихих дел»), позднее ставших именоваться государственными преступлениями, – измену, заговор, переход к неприятелю [5, с. 136].

Следующим этапом формирования уголовного законодательства в соответствующей части стало Соборное уложение 1649 г. Потребность в дальнейшем укреплении государства, царской власти на фоне образования всероссийского рынка, развития товарно-денежных отношений, обострения классовых противоречий стала предпосылкой разработки и принятия данного документа. Сложившаяся обстановка требовала от правящих кругов ужесточения ответственности за государственные преступления. Обращает на себя внимание то, что во второй главе «О Государской чести, и как его Государское здоровье оберегать. А в ней 22 статьи», в ст. 3 и 4 речь идет об измене, которую можно понимать широко, о чем речь шла ранее; а в ст. 20 седьмой главы «О службе всяких ратных людей Московского государства» – непосредственно о выдаче государственной тайны. В частности, в ней определено: «А будет кто, будучи на Государеве службе в полках, учнет изменю из полков переезжати в неприятельские полки, и в неприятельских полках сказывати про вести и про Государевых ратных людей, ...и такого переезжика казнити смертию...» [6, с. 199, 202].

Таким образом, интересующие нас преступления начинают выкристаллизовываться из общего понятия государственного преступления («перевет», «крамола»), чему, кроме прочего, способствует развитие нормотворчества и законодательной техники. Примечательно, что для данного посягательства предусмотрен специальный субъект – лицо, находящееся на государственной военной службе.

Артикул Воинский 1715 г. – качественно новый этап в формировании российского уголовного законодательства – тоже содержал положения об ответственности за преступления, связанные с выдачей государственной тайны. Им (а также государственной измене вообще) посвящалась глава XVI «О измене и переписке с неприятелем» [7, с. 104–105]. Установлению ответственности за выдачу государственной тайны неприятелю посвящались артикулы 124 и 125. Первый, в частности, определял: «Кто из офицеров или рядовых... неприятелю или его союзникам как-нибудь ведомость какую подаст или с неприятелем и от него с присланным... тайным образом разговор иметь, переписываться, письма принимать или переносить будет; оный имеет... чести, пожитков и живота лишен, и четвертован быть». Второй предусматривал наказание в виде смертной казни для того, «кто неприятелю пароль или лозунг объявит, хотя офицер или рядовой...».

Устанавливалось наказание за выдачу государственной тайны не только неприятелю, но и просто постороннему лицу (прообраз ст. 283 УК РФ). Этому посвящался артикул 128: «Как офицеры, так и рядовые да не дерзают о воинских делах, о войске, о крепости что писать, ниже о том с другими корреспондовать, под потеряннем чина, чести или по состоянию дела и живота самага». В толковании к данной норме разъяснялась опасность такой переписки: она запрещалась, «дабы неприятель тем ведомости о войске или о состоянии крепости не получил, и свои дела потом толь осторожно учредить возмог...».

Таким образом, как показывает анализ, в памятниках права речь шла только о государственной тайне и преступлениях, связанных с ее разглашением.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [8, с. 104–105], будучи вершиной нормотворчества в досоветский период, несмотря на все его недостатки [9, с. 104–105], содержит нормы о преступлениях, предметом которых выступают разные виды тайны, в первую очередь тайна государственная [10, с. 104–105]. В отделении втором «О государственной измене и преступлениях против народного права» гл. 2 «О бунте против власти верховной и о государственной измене» раздела третьего «О преступлениях государственных» есть несколько интересующих нас статей.

В ст. 276 определено наказание в виде лишения всех прав состояния и смертной казни за государственную измену в любом из перечисленных в ст. 275 уложения виде. В числе таковых в последней называлась и выдача во время войны неприятелю или его союзникам государственной тайны («сообщит неприятелю план крепости, порта, гавани, арсенала, или же укрепленного или иного стана (лагеря), или тех мест, где происходят военные действия, или даст известие о расположении и движении войск, или о состоянии армии и других средствах нападения и обороны»).

В ст. 278 предусматривалась ответственность российского подданного, который «откроет какую-либо государственную тайну иностранному, хотя и не враждебным с нею державам, или сообщит им планы российских крепостей или иных укрепленных мест, или гаваней, портов, арсеналов, или публикует сии планы без дозволения правительства...». Устанавливалось наказание

и за выдачу сведений, которыми могло «воспользоваться для успехов своих предприятий против России» неприязненное ей государство, совершенную в тайной переписке с его подданными «хотя и без намерения вредить своему отечеству», «но однако ж... неосторожно и нескромно».

Уложение 1845 г. пошло дальше всех предшествующих нормативных источников и предусматривало ответственность за преступления, предметом которых выступали и иные (кроме государственной тайны) виды конфиденциальной информации, в частности служебная тайна. Соответствующие нормы содержала глава 10 «О медленности, нерадении и несоблюдении установленного порядка в отправлении должности» раздела пятого «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». В числе нарушений установленного «в отправлении дел порядка» в ст. 447 названы такие уголовные проступки, как «распечатание входящих в присутственное место бумаг не надлежащим чиновником или не в надлежащем порядке» (п. 5 ч. 1); оставление «при выходе из присутствия или из канцелярии» вверенных чиновнику дел или бумаг незапертыми (п. 7 ч. 1). Наказание за последнее деяние усиливалось, если оставленные без надзора дела или бумаги утрачивались. Это деяние созвучно преступлению, предусмотренному в ст. 284 УК РФ «Утрата документов, содержащих государственную тайну».

За «разглашение дел, производимых в судебных и правительственных местах, и за сообщение без дозволения каких-либо актов или других принадлежащих к делу бумаг лицам посторонним, вопреки порядку» предусмотрено наказание в ст. 449, а за квалифицированный вид этого деяния – в ст. 450. За недозволенное сообщение мнения судей или судебных актов в ст. 451 уложения предполагалась ответственность чиновников соответствующего ведомства.

Статьями 452 и 453 предусматривалась ответственность за «злонамеренное открытие обвиненному в преступлении судебных о нем актов или иных бумаг и сообщение ему сведений, могущих служить к сокрытию истины или избежанию заслуженного им наказания»; «разглашение дел, подлежащих тайне, и недозволенное сообщение кому-либо бумаг, отмеченных надписью "секретно"». В ст. 455 признавалось наказуемым «открытие с намерением государственных тайн иностранным правительствам». Но исполнение преступления здесь предполагало деяния не любого российского подданного, а специального субъекта.

В ч. 2 ст. 455 уложения устанавливалось наказание за неумышленную выдачу «государственных тайн», то есть «без намерения, а по неосторожности». Здесь же в ст. 454 предусматривалась ответственность за «открытие должностным лицом кому-либо постороннему принадлежащего правительству или частному человеку секрета для производства каких-либо изделий, работ, машин, медицинских или иных составов и т. п.». Таким образом, конфиденциальная информация, являвшаяся предметом преступления, не ограничивалась исключительно государственной тайной (хотя сведения указанного содержания могли составлять и таковую). Это могла быть, например, коммерческая тайна.

Отделение второе «О подделке государственных кредитных бумаг» гл. 2 «О нарушении уставов монетных» раздела седьмого «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» содержало ст. 611, гласящую: «Кто из служащих откроет постороннему лицу какой-либо из способов, употребляемых при выделке государственных кредитных бумаг, или же секретные оных признаки, тот подвергается...». Указанные здесь сведения тоже можно отнести к государственной тайне, но отдельной ее категории. Однако это деяние отличается от государственной измены тем, что адресатом выдачи могло выступать любое постороннее лицо, цель совершения посягательства не была связана с подрывом Российского государства, а субъект преступления был определен как специальный.

На обеспечение сохранности личной тайны были направлены статьи 1528 и 1530, расположенные в гл. 11 «О нарушении уставов почтовых» восьмого раздела «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния». В первой установлена ответственность почтового чиновника, почтальона или иного служителя почты, который «не по неосторожности, а из каких-либо видов согласится с кем-либо передавать ему письма, адресованные на имя другого, без дозволения сего последнего...». Вторая статья криминализовала действия почтового чиновника или служителя, распечатавшего, «хотя бы из одного только любопытства, отданное для отправления с почтою или полученное по почте письмо, адресованное на имя другого лица».

В ст. 1751 признано наказуемым еще одно преступление, связанное с разглашением конфиденциальной информации. Она располагалась в отделении седьмом гл. 13 «О нарушении уставов торговых» ранее названного раздела и гласила: «За преждевременную огласку торговой сделки против воли продавца или покупателя биржевой маклер подвергается...». Предметом данного преступления выступала коммерческая тайна.

Краткий экскурс в историю становления и развития в дореволюционном отечественном уголовном законодательстве института ответственности за преступления, связанные с получением и разглашением конфиденциальной информации, показывает, как постепенно расширялись предмет

названных деяний и система соответствующих норм. Происходила их дифференциация в зависимости от вида сведений и объекта посягательств, предопределяемого конкретной разновидностью информации. Так, шаг за шагом, формировались исторические предпосылки криминализации системы рассматриваемых деяний в современном уголовном законодательстве России.

Ссылки:

1. См.: Майоров А.В., Поперина Е.Н. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 34–35.
2. См. подробнее: Пермяков М.В. Исторические предпосылки возникновения категории «тайна» // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 230–233.
3. См.: Псковская судная грамота // Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX вв. / сост. Ю.И. Бытко, С.Ю. Бытко. Саратов, 2006. С. 60.
4. См.: Судебник 1497 г. // Там же. С. 61.
5. См.: История государства и права СССР : сборник документов. Ч. I / сост. А.Ф. Гончаров, Ю.П. Титов. М., 1968. С. 136.
6. См.: Соборное уложение 1649 г. // Там же. С. 199, 202.
7. См.: Артикул Воинский 1715 г. // Сборник нормативных актов по уголовному праву ... С. 104–105.
8. См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Там же. С. 114–448.
9. См., например: Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: предистория, концептуальные основы, общая характеристика // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия) : материалы международной научно-практической конференции (г. Геленджик, 2–3 окт. 2015 г.) / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. Краснодар, 2016. С. 10–27.
10. См.: Прохорова М.Л., Князькина А.К. Российская государственность как объект уголовно-правовой охраны по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Там же. С. 199.

References:

- Bitko, YI & Bitko, SY (comps.) 2006, 'Pskov Judicial Charter', *Sbornik normativnykh aktov po ugovolnomu pravu Rossii X–XX vv*, Saratov, p. 60, (in Russian).
- Goncharov, AF & Titov, YP (comps.) 1968, *History of State and Law of the USSR: a collection of documents. Part I*, Moscow, p. 136, (in Russian).
- Gracheva, YV, Chuchaev, AI, Konyakhin, VP & Prokhorova, ML (eds.) 2016, 'The Penal Code and Criminal Corrections 1845: the background, conceptual framework, a general description', *Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 goda: kontseptual'nyye osnovy i istoricheskoye znacheniye (k 170-letiyu so dnya prinyatiya) : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Gelendzhik, 2–3 okt. 2015 g.)*, Krasnodar, pp. 10-27, (in Russian).
- Mayorov, AV & Poperina, EN 2012, 'Formation and development of the right to privacy', *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, no. 3 (21), pp. 34-35, (in Russian).
- Permyakov, MV 2012, 'Historical preconditions of "secret" category', *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 4, pp. 230-233, (in Russian).
- Prokhorov, ML & Knyazkina, AK 2016, 'Russian state as an object of criminal law protection on the Penal Code and Criminal Corrections 1845', *Ulozheniye o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 goda: kontseptual'nyye osnovy i istoricheskoye znacheniye (k 170-letiyu so dnya prinyatiya) : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Gelendzhik, 2–3 okt. 2015 g.)*, Krasnodar, p. 199, (in Russian).